

Кроткая долина вечно живых.
Бредут они вдоль зеленых вод.
Красными чернилами рисуют у меня на груди
Сердце и знаки доброты и радушия.

Чеслав Милош

Накричи на меня, кроншнеп,
чтобы я поцеловал их прах в уста.

Дилан Томас

Паря, словно птица, что видит в полете все
и, поднимаясь в небо,
несет в своем сердце
неумолимую совесть.

Пьер Паоло Пазолини

Я до глубины души возмущена тем, что земле наносился огромный вред, пока все мы были одурманены мнимыми памятниками ценности и интеллекта, сводами фиктивных культурных богатств. Я чувствую, что стоимость моей собственной жизни снизилась за те утомительные годы, что я провела, постигая тайны посредственных изобретений, подобно тем людям, которые знают все, что только можно знать, о каком-нибудь несущественном герое комиксов или телесериала. Горе, принесенное другим, пока я и мне подобные были поглощены всем этим, лежит на моей совести преступлением.

Мэрилинн Робинсон

Для молота и руки все ремесла легки.

Девиз «Благочестивой компании кузнецов»¹

¹ «Благочестивая компания кузнецов» — одна из ливрейных компаний, или торговых ассоциаций, Лондонского Сити. Официально получила статус компании в 1571 г. — *Прим. пер.*

ВЫБОР ЗА ВАМИ

При-ет, приет-приет. Ну и чё тут у нас такое?

Это голос Цербера, свирепого трехголового пса из мифов (по одному при-ету на каждую из голов). Согласно античному мифу, он стережет у врат Преисподней мертвецов, чтобы никто не сбежал. У него острейшие зубы, шеи оцетинились змеиными головами, а разговаривает он на английском из мюзик-холльных комедий с человеком, похожим на старого доброго бобби¹.

Но теперь этот полисмен уже «правой», новейшей версией коррупционера пересек реку Стикс и приблизился ко входу в Преисподнюю, чтобы показать каждой из Церберовых голов забавные фотки, на которых он сам и его подельники забавляются, к примеру, показывают пальцами знак победы или отпускают смешные расистские/сексистские замечания на фоне снимков с реальными убитыми людьми. Он сам запостил эти фотки в забавном полицей-

¹ Устаревшая кличка британских полицейских (*прим. ред.*).

Али Смит

ском приложении, которым пользуется вместе с друзьями в последнее время, — в краю плохишей с развевающимся британским флагом, в лето господне две тысячи двадцать первое, когда эта история, начинающаяся с того, что я, сидя вечером на диване у себя в гостиной, смотрю в пустоту и воображаю столкновение между пугающими сторонами воображения и реальности, и происходит.

Цербер даже бровью не повел (а мог бы при желании повести сразу шестью). Насмотрелся уже такого. «Пусть громоздятся горы трупов»¹ — тем веселее будет в стране вечно скорбящих, которых постоянно газлайтят, внушая, что это никакая не страна вечно скорбящих.

То ли трагедия, то ли фарс.

А у собак вообще есть брови?

Ага, ведь в мифах важно правдоподобие, Сэнд.

Пожелай я выяснить наверняка, то могла бы встать с дивана, пересечь комнату и взглянуть на морду отцовского пса.

Но мне уже было все равно, есть ли у собак брови.

Мне было все равно, какое сейчас время года.

Мне было даже все равно, какой сегодня день недели.

Тогда мне все уже было масло-масляно. Я даже упрекнула себя за неточное слово, хоть это для меня нехарактерно, ведь я всю жизнь обожала родную речь — в этом вся моя суть, я и язык — не разлей вода. Но в тот момент я готова была послать даже слова, со всей их силой и слабостью, на хер — и вся недолга.

И тут на столе засветился мой мобильный. Я увидела огонек в темноте комнаты.

¹ Высказывание, приписываемое премьер-министру Великобритании Борису Джонсону по поводу потенциального очередного локдауна, связанного с новой волной эпидемии коронавируса Covid-2019.

Взяла телефон и уставилась в экран.

Не из больницы.

И ладно.

Незнакомый номер.

Сейчас меня удивляет, что я вообще ответила на звонок. Наверное, подумала, что это мог быть кто-то из начальства или коллег отца: человек узнал о случившемся и решил спросить, как он и прочее. Я еще чувствовала какую-то ответственность в таких случаях. Так что у меня были наготове ответы: «Состояние критическое. Под наблюдением».

— Алло? — сказала я.

— Сэнди?

— Да, — сказала я.

— Это я, — сказала женщина.

— А, — сказала я, не догоняя.

Она представилась:

— Моя фамилия по мужу — Пелф, но тогда я была Мартиной Инглз.

Я задумалась. А потом вспомнила.

Мартина Инглз.

Мы вместе учились в колледже, в одном и том же году, на одном курсе. Мы с ней не были подругами — скорее, знакомыми. Нет, даже не знакомыми. Практически не знакомыми. Я подумала, может, она услышала про моего отца (хотя бог знает, откуда), и, пусть мы едва знали друг друга, возможно, она теперь позвонила (хотя бог знает, где она взяла мой номер), чтобы, не знаю, как-то поддержать.

Но отца она не упомянула.

Она не спросила, как я поживаю или чем занимаюсь, — ничего такого, чем люди обычно интересуются.

Видимо, поэтому я и не бросила трубку. Она не ломала комедию.

Али Смит

Она сказала, что давно хотела со мной поговорить. Сообщила, что теперь работает ассистенткой куратора в государственном музее («ты вообще могла себе представить, что я буду заниматься чем-то подобным?») и возвращалась из однодневной поездки за границу, куда ее отправил музей в один из просветов между локдаунами, чтобы она лично доставила домой с передвижной выставки артефактов Позднего Средневековья и Раннего Возрождения английский металлический замочный механизм с ключом — изобретение, по ее словам, намного опередившее свое время, к тому же предмет красивый и в поразительно хорошем состоянии, весьма ценный исторически.

В общем, вечером она вернулась на родину и очень долго стояла в очереди на пограничном контроле, поскольку паспорта проверяли вручную (большинство цифровых устройств не работали). А когда она наконец добралась до контроля, человек за стеклом сказал, что она дала ему не тот паспорт.

Она не могла понять, что он имел в виду. Разве бывают «не те» паспорта?

«А, подождите, — сказала она. — Я поняла. Простите, наверно, я просто дала вам не тот, по которому выезжала, одну минуту».

«Не тот паспорт, по которому вы выезжали», — сказал человек за стеклом.

«У меня их два», — сказала она.

Она достала из внутреннего кармана куртки другой паспорт.

«Двойное гражданство», — сказала она.

«Вам что, мало одной страны?» — сказал человек за стеклом.

«Простите?» — сказала она.

«Я сказал, вам мало одной страны?» — повторил человек.

Она посмотрела в его глаза над маской. Они не улыбались.

«Думаю, это мое личное дело, а не ваше», — сказала она.

Он взял у нее другой паспорт, раскрыл, посмотрел в него, потом в оба паспорта одновременно, посмотрел на свой экран, что-то напечатал, и она почувствовала, как сзади, вплотную к ней, справа и слева пристроились двое сотрудников в форме и в масках.

«Можно ли мне взглянуть на билет, по которому вы сегодня приехали?» — сказал человек за стеклом.

Она достала телефон, пролистала вкладки, нашла билет и повернула экраном к сотруднику. Один из служащих взял телефон у нее из руки и передал человеку за стеклом. Тот положил его сверху на ее паспорта. Потом продезинфицировал руки из флакончика на столе.

«Не могли бы вы пройти сюда», — сказал другой служащий.

«Зачем?» — сказала она.

«Обычная проверка», — сказал он.

И ее куда-то повели.

«У вашего коллеги остался мой телефон. У него остались оба моих паспорта», — сказала она.

«Вам все вернут в должное время», — сказал тот, что стоял у нее за спиной.

Они провели ее через дверь и еще через одну дверь в безликий коридор, где не было ничего, кроме сканера. Пропустили через сканер сумку с коробкой, где лежал замочный механизм с ключом, — единственную ручную кладь, которая у нее была.

Они спросили, что за оружие в коробке.

Али Смит

«Да бросьте вы. Это и на оружие-то не похоже, — сказала она. — Предмет покрупнее — замо́к, когда-то висел на баронском сундуке XVI века, в котором хранили деньги. А длинный предмет рядом — не нож, а подлинный ключ к замку. Это замок Бутби. Разбирайся вы хоть немного в английских металлических изделиях позднего Средневековья и Раннего Возрождения, знали бы, что это очень ценный исторический артефакт и потрясающий образец кузнечного искусства».

Служащий грубо вскрыл ножом футляр.

«Его нельзя вынимать!» — сказала она.

Он достал завернутый замок и взвесил его в руках.

«Положите обратно, — сказала она. — Сейчас же!»

Она сказала это так свирепо, что служащий перестал перебрасывать замок из одной руки в другую и с натянутым видом положил обратно в коробку.

Затем другой служащий потребовал, чтобы она доказала, что является тем, за кого себя выдает.

«Как? — сказала она. — У вас же два моих паспорта. И мой телефон».

«Значит, у вас нет никакого бумажного документа об официальных полномочиях на транспортировку государственного исторического артефакта?» — сказал служащий, державший коробку.

Ее попытались провести в так называемую «допросную». Она обеими руками ухватила сбоку за ленту сканера, стараясь напрячься всем телом, как протестующие в новостях, и отказалась идти куда-либо по доброй воле, пока ей не вернут вскрытую коробку и не позволят удостовериться, что замок Бутби и ключ к нему по-прежнему внутри.

Вместе с сумкой, где лежала коробка, ее заперли в комнатухе, где не было ничего, кроме стола и двух стульев.

Стол — из серого пластика и алюминия, стулья тоже. Никакого телефона на столе. Никаких окон. Ни на одной из стен не было видно камеры, в которую можно помахать или подать сигнал, хотя там вполне могли быть камеры, которых она не заметила, «но только бог его знает где, Сэнд, ведь в наше время объектив может быть совсем малюсенький. Буквально с плодовую мушку. Впрочем, в этой комнате не было ни одного сколько-нибудь живого существа, помимо меня». На двери с внутренней стороны не было ручки, и дверь никак нельзя было открыть, если даже попытаться поддеть с боков. Понизу и у краев виднелись царапины и щербинки, видимо, оставшиеся после попыток предыдущих пленников. Не было и корзины для мусора: она обнаружилась это, когда, несмотря на ее стук в дверь, никто не явился, чтобы показать, где находится туалет, или сопроводить ее туда, а в дальнейшем оказалось, что ее оставили в этой комнате очень надолго.

Потом ее выпустили безо всяких допросов или объяснений, вернули телефон, но не паспорта, которые «будут возвращены» ей, как сказала женщина за стойкой регистрации на выходе, «в должное время».

— Я до сих пор не получила ни одного паспорта, — сообщила она мне. — И я никак не могу взять в толк: меня посадили туда и честно про меня забыли или же про меня «забыли» умышленно?

— Неважно, — сказала я. — Вот так история. Семь часов!

— С половиной, — сказала она. — Целый рабочий день, который начался в полчетвертого утра и в основном прошел в очередях на пограничном контроле. Но семь с половиной часов! В комнате без единой живой души!

— Долго, — сказала я.